

Анна Яковлева

Посадочные огни

18+

Анна Яковлевна Яковлева

Посадочные огни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55331595

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-06142-2

Аннотация

В одно мгновение военный моряк Адам Рудобельский потерпел крушение и на службе, и в семейной жизни, в день увольнения застав жену в постели с любовником. Маргарите Галкиной тоже «посчастливилось» – она «вылетела из авиации», чему, кстати, поспособствовал Рудобельский, и стала жертвой мошенника – своего бывшего босса и по совместительству возлюбленного. Оба испытывают взаимную неприязнь и считают, что между ними нет ничего общего. Адам ищет свой маяк, а Марго – посадочную полосу. Не сразу они понимают, что и то и другое находится на территории любви...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	27
Глава 6	40
Глава 7	57
Глава 8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анна Яковлева

Посадочные огни

Глава 1

...Адам Рудобельский стоял в очереди к телефону-автомату. Очередь почти не двигалась, и Адам от нечего делать следил за табло на фасаде административного здания в стиле ложного классицизма. В бегущей строке проплывали по очереди число, время и температура воздуха.

Если верить пробегающим цифрам, все было не так уж плохо: 10 утра 28 августа, температура воздуха +21.

Данные бегущей строки и ощущения Адама не совпадали. Во-первых, голова раскалывалась после вчерашнего пива с водкой, подтверждая печальную истину: нельзя вылечить душу, не погубив печень.

Во-вторых, Адам был убежден, что его время прошло, хотя по факту с недавних пор времени было непривычно много.

Употреблял Адам его бездарно: восемь месяцев культивировал вину за Юлькину неверность.

В том, что случилось, Адам Рудобельский винил только себя, потому что он – мужчина, значит, за все в ответе. Сильный отвечает за слабого, муж – за жену. Библейские истины.

Если бы у них с Юлькой были дети, никакой змей Витька не сумел бы заползти в их постель. Эта мысль доводила Рудобельского до белого каления именно потому, что Юлька детей не хотела. Бывают такие женщины, одна на миллион, и вот надо ж такому случиться – одна из миллиона стала женой Адама! Выверт судьбы. Цыганское счастье.

Наконец очередь к телефону-автомату рассосалась, Адам снял трубку таксофона:

– Здравствуйте. Я по объявлению.

– Да! – Грудной, низкий, с привкусом шампанского, завораживающий женский голос прикоснулся к душе. Из будущего или из прошлого был этот голос?

Застигнутый врасплох, Адам пропустил реплику.

– Алло? Излагайте! – Голос искушал.

Адам взмок от напряжения (будь оно неладно, это пиво с водкой):

– Я могу посмотреть квартиру?

– Конечно! Когда вам удобно?

– Мне удобно прямо сейчас.

– Приезжайте. Адрес запишите.

– Я запомню, говорите.

– Постовая, дом 4, квартира 86, первый подъезд, восьмой этаж. Десятиэтажка из красного кирпича, вставки из желтого кирпича, слева от остановки, первый подъезд.

– Найду, – бросил в трубку Адам.

...Звонок застал Маргариту Галкину перед компьютером. Она все еще не теряла надежды найти работу и рылась в недрах сайтов на тему «Job». Требовались администраторы в ночной клуб до 35 лет, менеджеры в клуб караоке, стрессоустойчивые и с опытом работы, требовались няни к младенцам, сиделки к больным – тоже с опытом работы и медицинским образованием, и домработницы. Домработницы шли нарасхват у владельцев особняков от 150 до 350 квадратных метров. Уборка, стирка, глажка, уход за зелеными друзьями, приготовление завтраков, обедов и ужинов для семьи из трех или четырех человек. И все за двадцать тысяч в месяц при одном выходном. Просто сказ про то, как поп работницу нанимал: погладила – спи-отдыхай, постирала – спи-отдыхай.

Домработницей Маргарита заделываться не торопилась: готовка никогда не приносила ей радости.

К тому же, если вдуматься, глажка чужого белья – это слишком интимно, отдает фетишизмом.

Да и в уходе за зелеными друзьями у Галкиной не было навыков и, что важнее, – призвания. Работа бортпроводницы не предполагала наличия никаких друзей, ни зеленых, ни четвероногих. Даже школьные, и те со временем рассосались.

Голос. Да, голос отвлек Галкину от невеселых мыслей.

Голос у мужчины был густым и теплым, как гречишный мед. В таком голосе можно увязнуть, утонуть, в него можно влипнуть. «Определенно секси», – решила Маргарита, и

сердечная мышца сделала на несколько сокращений больше.

В необъяснимом волнении экс-стюардесса поднялась и подошла к зеркалу.

Копна рыжих волос перехвачена лентой, лицо без косметики. Ни одной морщины.

Свободная, крупной вязки туника и гетры. Остаться в них или переодеться? Галкина повертелась перед зеркалом: под туникой угадывался абрис стройных линий. Ногам позавидовала бы любая дива с рекламы колготок. Она все еще в обойме, все еще готова к войне полов. Вопреки, наперекор, несмотря на...

Маргарита припудрила нос, брызнула остатками Guerlain Mitsouko на запястья и затылок, следуя рекомендациям Катрин Денев.

Настойчивый звонок в прихожей развеял предромантический транс Маргариты.

Скользнув в прихожую, заглянула в глазок: высокий мужчина в белой рубашке с короткими рукавами стоял вполоборота к двери, будто собирался уйти. Маргарита повернула ключ, отворила дверь и с тупым удивлением уставилась на подбородок мужчины. Тут ее качнуло, да так, что она схватилась за косяк.

– Вы?! – Вопрос был задан скорее коварной судьбе, чем мужчине.

На лице гостя отразилась масса чувств: от недоумения до суеверного ужаса. Перед ним стояла та самая бортпроводни-

да того самого рейса Магадан – Москва, на котором он навтыкал каким-то зэкам, после чего сразу по прилете в Домодедово-дурдомово его сдали в дежурную часть вместе с этими зэками. И все из-за этой рыжей бестии! Точно, он даже вспомнил ее запах – свежий и чувственно-дразнящий.

В эту минуту рыжая бестия попыталась захлопнуть дверь перед носом Адама! Ну уж нет – Адам подставил ногу:

– Подождите!

– Вы что себе позволяете? – Неукротимая копна волос встала дыбом, синие глаза метали молнии. Вокруг рыжей искрило, не хватало только таблички с черепом, скрещенными костями и надписью «Не влезай – убьет».

– Да не бойтесь вы меня! – взмолился Рудобельский – ему позарез нужна была хата в этом районе.

– Кто это вас боится? – Хозяйка квартиры моментально преобразилась. – Никто и не боится. – Галкина демонстративно, широким жестом распахнула дверь и повысила голос, приглашая всех соседей в свидетели: – И не вздумайте дебоширить! В квартире рядом живет полковник милиции. Сейчас он дома.

Это был чистой воды блеф – в квартире рядом жила ветхозаветная старушка, смахивающая на Фанни Каплан, и такая же близорукая.

– Адам, – представился Рудобельский.

– Ева, – хмыкнула рыжая и добавила с детской обидой: – Откуда вы взялись на мою голову?

– По объявлению, – напомнил Рудобельский, заметив про себя, что женщина по имени Ева по-другому выглядеть не может.

– Да не сейчас! Тогда!

Глава 2

...Поставив локти на подоконник, Галкина смотрела в гостиничное окно.

За окном зверем выл шквальный ветер (по метеосводке, порывами до тридцати метров в секунду), стеной валил снег, занося взлетно-посадочную полосу вместе со снегоуборочной техникой, – бр-р-р!

Маргарита уткнулась лбом в обледеневший по краям двойной стеклопакет, стараясь разглядеть зачехленные крылатые машины по краю поля. Ветер хлопал чехлами, прицельно забивал тяжелым рыхлым снегом иллюминаторы, как глазницы покойнику.

Над аэропортом третьи сутки бушевал тихоокеанский циклон. Видимость заканчивалась на расстоянии вытянутой руки.

Третьи сутки аэропорт был закрыт, вылеты задерживались, и экипажи, изнывая от безделья, отлеживали бока на бугристых матрацах в местной гостинице, не поддающейся классификации по международным стандартам.

В зале ожидания творилось нечто невообразимое – великое переселение племен и народов. Маргарита не бывала в лагерях беженцев, но представляла их именно так: багаж вместо спальных мест, газеты вместо постельных принадлежностей и спящие, свернувшиеся клубком тела на под-

оконниках, на ступеньках и в закутках под лестницей. Под лестницей вообще было вип – место.

Столовая и кафе, не рассчитанные на такую прорву народа, не справлялись, комната матери и ребенка размещала только малышей, мамашам в койко-местах отказывали, милость оказали кормящим – им позволили оставаться при грудничках.

Отделение милиции аэропорта превысило плановые показатели по числу задержанных нарушителей порядка.

Пассажиры, вымотанные тремя сутками ожидания и антисанитарией, сублимировали агрессию – злились не на администрацию аэропорта и не на стихию, злились друг на друга. Мужья – на бестолковых, отупевших жен, которым все время чего-нибудь хотелось: то горячей воды, то супчика, то таблетку от головной боли. Жены вымещали злость на мужьях, которые ухитрились при закрытых барах и ресторане, с пустыми карманами набраться по самые брови.

Апатичные дети уже не закатывали истерик, только хныкали.

При полном физическом истощении организмов эмоции не выгорали, уходили вглубь и тлели, ждали своего часа.

Ситуация подогревалась близостью Нового года и амнистией.

В аккурат под Новый год из тюрем страны вышли на волю заключенные, мотавшие сроки за грабежи, вымогательство, мошенничество и незаконный сбыт наркотиков, общим

числом полтора миллиона. На этом фоне беспокойство администрации аэропорта за имущество пассажиров выглядело вполне объяснимо: монотонный голос в динамиках чаще предупреждал не только (и не столько) о задержанных рейсах, сколько не оставлять вещи под присмотром малознакомых людей.

А буран и не думал стихать: на ближайшие сутки объявили штормовое предупреждение.

Марго озябла, передернула детскими плечиками: за окном с метелью и подсиненными снежными заносами уходило за горизонт 30 декабря.

«Колдуй, баба, колдуй, дед, – повторяла уже в который раз за день Галкина, – хоть бы не улететь, хоть бы не улететь».

Маргарита воровато оглянулась из опасения, что ее колдовство может кто-то невзначай разрушить. Гостиничный коридор молчал.

Перед глазами доморощенной колдуньи проплыла картинка пятилетней давности: она и любимый мужчина в ее коммуналке. Любовь, любовь и еще раз любовь в оправе из шампанского, бенгальских огней, боя курантов и мандариновых корок. Корок было какое-то фантастическое количество – два пакета. Но это потом...

А поначалу это были сладкие и сочные, без единого зернышка мандарины из Абхазии с оранжево-красной кожурой. Они пропитали тонким ароматом хвои и цитрусовых все вещи, постель и надежду на счастье.

Так близко к исполнению желания Галкина больше не подходила. Ни разу. А тогда надежда вибрировала, источала обманчивое тепло, звала и манила, как горизонт, или фата-моргана, или сирена.

Радостные запахи оказались слишком ненадежными. Неуловимые и нежные, они быстро стали отдавать гнилью. Маргарита вернулась из рейса – выбросила пакеты с кожурой, забытые в комнате. Запах гнили выветрился не сразу, в отличие от летучего аромата цитрусов. Надежда обманула, даже не обманула, а кинула, как фата-моргана или сирена – никакой разницы. Галкина еле выплыла после случившегося. Пять лет прошло, а кажется, что вчера.

Маргарита заморгала, – на нежной тонкой коже проступили морщинки, – оторвала лоб от стекла. Только не сейчас, только не здесь. Только не сегодня.

«Колдуй, баба, колдуй, дед, колдуй, серенький билет»... К вылету она не опоздает, и, значит, Лева Звенигородский не будет, брызгая слюной, орать при всех старшей бортпроводнице экипажа (эсбэ) Галкиной: «Вылетишь из авиации!» Фраза эта каждый раз вызывала у Марго невротический смешок: куда можно вылететь из авиации? На орбиту?

Маргарита оттолкнулась от подоконника и вошла в убогий гостиничный номер.

Если бы можно было впасть в летаргический сон до вылета, а еще лучше – до светлой полосы в судьбе, она бы это сделала не задумываясь, но бессонница несла вахту в изголовье

ее постели в любую погоду, на любой широте и долготе.

Глава 3

...Такой отвратительной погоды не помнили даже просоленные морские волки: море напоминало кастрюлю на огне, булькало и бурлило. Мокрый снег смешивался с пеной, палубу заливало ледяной шугой. Судовые команды, сменившись с вахты, засыпали, не дойдя до коек.

– Никаких сходов на берег, никаких баб и кабаков. Корабль и база – вот ваша жизнь на три месяца, – наставлял командир офицеров, с нетерпением поглядывая на часы, – читайте устав: он побеждает зло и половой инстинкт.

Командир отбыл на берег, где его ждала проверенная временем, морями и ветрами компания собутыльников.

Команда осталась обживать плавбазу и вспоминать ненормативную лексику, доставшуюся в наследство от татар и строителей петровского флота. Наследство было мощным – иначе стада «стасиков» (тараканов) и крыс не победить.

Видавшая виды плавбаза скрипела на заводском причале, вспоминала молодость под жестоким штормом. Старушка напрягалась, чтобы не пойти ко дну, а команда, переселившаяся на базу на время ремонта корабля, после шести вечера отрывалась от невроза боеготовности в таверне на берегу.

Коку Миколу Бойко – рыжему, конопатому, шустрому, как те самые «стасики», было не до шторма и не до зверинца

под ногами. На мичмане Бойко лежала ответственность за состояние духа команды в новогоднюю ночь, а до праздника оставалось неполных два дня. Праздник на берегу – это уже по определению праздник: в иллюминаторе виден берег и мелькают женские ножки.

Душа просила чего-то эдакого, незабываемого.

Самые опытные донжуаны малого противолодочного корабля уже вели переговоры о незабываемом с местными барышнями.

Барышням технический спирт-ректификат не предложишь, решено было гнать самогонку.

Брага, поставленная предусмотрительным Миколой Бойко неделю назад, подошла и требовала перегонки. Аппарат под видом сварочного пронесли на корабль рабочие-ремонтники. Оттуда его без труда доставили на плавбазу. Культурная программа обещала быть.

Микола высунулся из камбуза, прислушался к тишине, нарушаемой крысиной возней, и вернулся на рабочее место, раздавив по пути тараканий выводок. Мичман даже не поморщился: хочешь или нет, бытие определяет сознание.

Командир боевой части тридцативосьмилетний подполковник Адам Рудобельский не желал, чтобы нынешнее бытие определяло его сознание, он сопротивлялся.

После ужина лег на койку, не раздеваясь, ботинки положил под руку, свет гасить не стал в надежде, что это спугнет обнаглевших крыс. Закрыв глаза и против воли представил

жену Юльку в бикини. После этого заснуть на трезвую голову и думать было нечего.

Адам поднялся, накинул тужурку, вышел в такой же мрачный, как он сам, коридор.

Полутемный проход разветвлялся, как усики улитки, и одним усиком упирался в камбуз.

Постояв под дверью, Рудобельский вдохнул знакомый запах счастья и условным стуком: точка-тире-точка, известил о своем появлении. Микола приоткрыл дверь, вытянул шею наподобие перископа, будто в ней были запасные шейные позвонки.

– Здравия желаю, тащ командир! – Микола впустил Адама, оглядел пустой коридор с единственной лампочкой, сложил шею до нормального состояния и запер дверь.

В камбузе, лаская душу усталого путника, висел густой аромат дрожжей.

Приняв чарку из рук заботливого кока, Рудобельский молодецки махнул сто пятьдесят граммов, бросил в рот пластинку сала и посидел, прислушиваясь к работе организма. Организм повел себя правильно: согрелся и потребовал продолжения банкета.

– Как твой-то? – получив добавку, поинтересовался Адам.

– Та хiba ж я знаю? Ждут папку своего на Новый год, а я оце, туючки. Жинка писала, що родить ей у феввали.

– Которого уже, Микола? Или ты сам со счету сбился? – хлопнув себя по колену так, что первач расплескался, оск-

лился Адам.

Сказать по совести, никому так не завидовал Адам, как многодетному мичману Бойко. У Рудобельского уже голова седая, а детей все нет и не предвидится. Юлька выставила требование – или увольняйся на берег, или забудь о детях. Чертова баба! Уволиться не проблема, а что делать на берегу?

– Не, як це можно, тащ командир? Семеро, – хохотнул кок, – у меня жинка дуже любить перепихнуться.

Этого Адам вынести уже не мог.

У них с Юлькой отношения как раз были далеки от гармоничных. Если Адам домогался супруги, Юлька закрывала глаза и лежала, надменная и недоступная, как круизная яхта в одиночном плавании. А последний раз гадостей наговорила, до сих пор в ушах стоят.

– Импотенция косит наши ряды, – вставая с супружеского ложа, усмехнулась Юлька. В темноте матовым светились ягодицы – яблоко в разрезе, Адам зажмурился до кругов перед глазами, чтоб не сбить жену с ног и не взять силой.

Все пошло наперекосяк, но копать в психологии семейных отношений Адам боялся и откладывал разговоры на потом в надежде, что «рассосется», само образуется.

Рудобельский отогнал видение, взглянул на часы, они показывали четверть одиннадцатого – время детское, таверна на берегу еще полтора часа будет распахивать безотказные двери перед посетителями.

Командир боевой части поставил на загаженную плиту чарку, поправил китель:

– Бывай, Микола, и давай того, осторожней. Сам знаешь, что будет, если старпом пронюхает.

Микола еще божился, что все будет тип-топ, а командир уже натягивал куртку, подбитую мехом.

Взбежал на верхнюю палубу, понюхал щекочущий ноздри морозный воздух и чуть не улетел за борт, подхваченный штормовым юго-восточным ветром.

Ругнулся, цепляясь за поручни, спустился на землю и побежал, тараня упрямым лбом пургу.

...В кафе с неземным названием «Морское» веселье только начиналось.

Дурные от самопальной водки клиенты в сизом сигаретном дыму и чаде корейской кухни цепляли друг друга, чужих девочек и официанток.

Адам прибился к столику судоремонтников, под одобрительный гул выставил две бутылки, купленные в баре.

– Адам, – пожимая чью-то ладонь, представился Рудобельский.

– Авель и Каин, – сострил кто-то.

Адам упер в остряка свинцовый взгляд, отбив желание зубоскалить на тему первых библейских конфликтов, исподлобья обвел взглядом помещение.

– За тех, кто в море, на вахте и на гауптвахте, – поднял

рюмку, не чокаясь, опрокинул и опять огляделся.

В противоположном углу зала в компании подруги и двух мужчин вполоборота к Адаму сидела розовощекая и свежая, как садовая ромашка, молодая женщина. Круглая попа, обтянутая трикотажным платьем, тяжелая грудь – настоящая шампочка, то, что доктор прописал. Адам не терпел тощих девок с выпирающими ключицами, позвоночником и лопатками.

Женщина чему-то весело смеялась, откидывала на спинку стула роскошное тело, стреляла глазами по сторонам, разила наповал и наслаждалась произведенным эффектом.

Адам принял вызов, перехватил игривый взгляд, ответил очередью и прошел даму насквозь. Рудобельского не могли обмануть ленивые повороты головы и томное потягивание коктейля. Игра затягивалась, пора было действовать, брать инициативу на себя.

Стоило Рудобельскому поднять тренированное тело, красавица что-то быстро сказала на ухо подруге и, покачивая крутыми бедрами, направилась к цветастой засаленной шторке, за которой располагались туалеты.

Адам настиг девушку в узком коридоре-аппендиксе.

Красавица обхватила сигаретный фильтр полными яркими губами и, усмехаясь одними глазами, сканировала мужскую особь. Мысли особи были на поверхности, сомнений не вызывали. Ромашка поджала одну ногу, выставив круглое колено, наступила на стену каблуком.

– Огонька не найдется? – завела Ромашка светский разговор.

Не отрывая глаз от женских прелестей, Адам достал зажигалку в мельхиоровом корпусе – подарок командования ко дню Военно-морского флота.

– Ты с мужем? – Первое правило командира: самый неприятный вариант следует считать самым верным.

– Не-а, – протянула Ромашка.

– А с кем?

– Я сама по себе.

До прикуривания дело так и не дошло.

Рудобельский вернул зажигалку в карман, не суетясь, вынул из покрашенного, ожидающего рта сигарету и, придавив женщину к стене, приступил к неспешным поцелуям, ощущая ладонью податливость форм.

Чья-то тяжелая рука легла на плечо Адама, поцелуй пришлось прервать.

Моряк в бешенстве повернулся к обломщику. Им оказался обалдевший от наглости Рудобельского спутник Ромашки.

Адам еще надеялся провести остаток вечера с пользой для организма, поэтому, не тратя времени на разговоры, занял стойку и въехал парню левой, снизу вверх. Апперкот оказался эффективным – клацнули зубы, противник опрокинулся, налетел на стену и осел.

Тесный коридорчик в ту же секунду заполнили желающие

помахать кулаками. Ромашка, из-за которой Рудобельский
ввязался в драку, взвизгнув, исчезла, зато появился патруль.

Глава 4

...Лева Звенигородский с брезгливостью белого воротничка лавировал между пассажирами, скорчившимися на вещах, за ним с достоинством переступала совершенными ногами Маргарита. Узкая кость, длина ноги, поступь – вылитый арабский скакун сиглави, порода для парадных выездов.

Заторможенные пассажиры, увидев мужчину в форменном кителе, зашевелились, кучками стали подбираться к пилоту первого класса, взяли в кольцо.

– Скажите, – слышалось одновременно со всех сторон, – что там с погодой? Какой прогноз?

– По прогнозу завтра снегопада не будет, – информировал Лева, вынужденно останавливаясь, – почистят полосу и отправят сначала московский борт, потом остальных.

– Так полосу же не чистят, – заметил какой-то пронизательный пассажир.

– Это вопрос к администрации порта, – развел руками Звенигородский.

Народ расступился, с недовольством выпуская пленников. К начальнику порта обращаться смысла не было: циклон признавал одну власть – небесную.

– Думаешь, полосу расчистят? – с замиранием сердца спросила Галкина, когда они вышли из душного зала в пургу.

Голос у Маргариты был низкий и певучий, навевал тос-

ку о южных экзотических странах, теплых морях и райских птицах.

– А фиг их знает, – не стал лукавить Лева, хотел добавить какую-то грубость, поднял глаза на Маргариту и притих. Они уже подошли к служебной гостинице и стояли, стряхивая снег с одежды.

Снежинки ложились на цигейковый воротник форменного пальто бортпроводницы, на шапочку, на рыжие волосы и ресницы. Небольшие глаза светились в зимних сумерках холодным синим светом – Венера, вторая планета от Солнца, сияющая и таинственная. Лев Ефимович взгляда оторвать не мог.

Ветер выдохся, и снег уже не был таким тотальным. Запахло морем, островами и чужими странами.

– Лева, может, уж лучше остаться здесь? Завтра же Новый год. – Маргарита не заметила паралича Льва Ефимовича.

Звенигородский был так потрясен, что не расслышал Венеру, ей пришлось повторить вопрос. Лева вышел из ступора:

– Шутишь? У некоторых семьи есть, между прочим. А потом эти... – Лева кивнул на окна второго этажа, за которыми двое суток резались в покер второй пилот и штурман. – Ты забыла, как они на Восьмое марта перепились и нас задержали «из-за высокого содержания алкоголя в крови летного состава»? Нажрутся на Новый год, и будем до Рождества здесь торчать.

Лева первым вошел в здание и по пролетарской привычке не придержал дверь. Она с размаху больно ударила Маргариту по плечу.

– Не спи, замерзнешь, – сморщился Лева.

– Спасибо, Лев Ефимыч, что пропустили вперед даму и дверь придержали, – пробурчала Галкина, протискиваясь.

Маргарита расстегнула пальто, отряхнулась, постучала точеными щиколотками друг о друга, сбивая снег.

Лева уже дошел до середины холла, остановился и теперь ждал, когда она догонит его.

– Рит, – его рука скользнула под пальто и обвилась вокруг гибкой талии, – если не дадут вылет, вместе встретим Новый год.

Это был не вопрос – это было предложение босса, от которого не отказываются. Десятое или одиннадцатое за год приглашение в пошлый служебный романчик.

– Куда ж мы денемся, Лева, из подводной лодки? – прикинулась веником Галкина.

– Нет, только мы с тобой. Согласна?

Бесформенный Левин рот со слюнявыми пузырьками в уголках примеривался к лукаво изогнутым губам Маргариты, рука беспокойно ерзала по спине и ниже. Дама-администратор едва не вывалилась из-за конторки, стараясь не пропустить ни одной детали мизансцены.

– Лева, выбрось из головы.

Маргарита отпихнула командира локтем и заливисто рас-

смеялась, увидев обалдевшую администраторшу со съехавшими с носа очками.

Лев Ефимович принял этот смех на свой счет. Его физиономия, и без того не отличавшаяся красотой, покраснела, намекая на близкий гипертонический криз.

Он опустил голову, глядя под ноги, взбежал на второй этаж и закрылся в номере.

Звенигородский был уверен: Маргарита избегала близости с ним, единственным.

Вон Васька Коротких, второй пилот – тощий, вертлявый, уши торчат, как локаторы, а бабы на нем виснут гроздьями. Теперь взялся Галкину обхаживать – весь отряд в курсе и делает ставки.

А он, Лев Звенигородский, чем хуже? Рост, вес, объем, солидность, помноженная на профессионализм, – все имеется. Ни одна стюардесса не динамила Леву с таким азартом.

Звенигородский снял пальто, подошел к зеркалу, повернулся в профиль, осмотрел себя недоверчивым взглядом. Профиль напоминал знак американского доллара: лопатки назад, живот вперед. Лева распрямил спину, расправил плечи, попытался втянуть живот. Живот не втягивался, только в положении «дама сверху» расплывался в бока. «Допрыгается она у меня», – постановил Лева, отпустил дряблые мышцы, ссутулился и налил пятьдесят граммов коньяка. Режим режимом, а нервы – нервами.

Глава 5

...Ночь Рудобельский провел на гауптвахте, где, по крайней мере, не было крысиного сафари. Повезло хоть с этим.

Наутро командир боевой части попал под прицельный огонь капитана.

– Ты посмотри на свою харю, – не выбирая выражений, хрипел старый моряк, – похож на использованный памперс! Меня мало колышет твоя тонкая душевная организация. Рвешься на берег? Я тебе счастливую сухопутную жизнь устрою в два счета, будешь на большой земле удовлетворять половой инстинкт и заниматься личными делами, сколько влезет.

Слухи о том, что после отпуска Рудобельский вернулся сам не свой, расползлись по дивизиону, как радиация.

– Или ты не в курсе, что сокращение во флоте идет? Выслуга у тебя уже имеется, так что запомни: ты – крайний, – закончил командир.

– Есть крайний, тащ капитан, – таращась преданными глазами в переносицу командиру, пролаял Адам.

– Отправляйтесь на корабль! – буркнул капитан, переходя на «вы».

– Есть, на корабль!

Заскочив на плавбазу, Адам переоделся в рабочий китель и прибыл, как было велено, в доки, где судоремонтники раз-

дельвали малый противолодочный корабль, как абреки ба-
ранью тушку.

Не прошло и часа, как Рудобельский переругался с этими бандитами с большой дороги, дав страшную клятву, что не примет работу и не подпишет акты.

– Клянусь, хрен я тебе подпишу, – пообещал бригадир
Адам, со страхом наблюдая, как корабль превращается в гру-
ду металлолома.

Не успел отдышаться от приступа ненависти ко всем ре-
монтникам, как боцман шепнул:

– Тащ командир, Черный Дэн шмонает камбуз.

Черный Дэн – это старпом, Данила Чернов. Значит, Ми-
коле кранты. Да что там Миколу, всей новогодней програм-
ме кранты.

Кличку старпом получил не столько за кустистые черные брови, фамилию, имя и мрачный взгляд, сколько за свое нечеловеческое, звериное, почти магическое чутье. Чутье Черного Дэна не подводило никогда, он был прирожденным охотником, охотником на охотников, тот еще волк.

– Япона мать! – Адам утер рукавом взмокший лоб.

Старпом и замполит в этот самый момент уже закончили шмон. Вещественное доказательство – единственную банку браги – они вынули непосредственно из рук Миколы Бойко.

Когда раздался условный стук в дверь, мичман в белой косынке, повязанной на манер банданы, в поварской курточке, открывающей безволосый тощий торс, готовил поджарку

для украинского борща.

Подчиняясь инстинкту, Микола с поразительным проворством выбросил в иллюминатор несколько литров браги.

Микола точно знал: в это время суток ни один «свой» не будет ломиться в камбуз.

Мичман открыл дверь проверяющим и бросился к сковороде, на которой подгорала мучная поджарка.

Запах сивухи разил наповал, тянулся шлейфом по всей нижней палубе, его не могла перебить даже подгоревшая поджарка.

Пока старпом с замполитом принюхивались, мичман бочком приблизился к последнему вещдоку и уже приготовился вылить содержимое в бак с отходами, но день не задался.

Вынув добычу из рук самоотверженного кока, Черный Дэн обнюхал банку, на дне которой раскачивалась побеспокоенная брага.

Старпом, кроме всего прочего, в совершенстве владел искусством дознания. Рабоче-крестьянская рука сгребла курточку кока.

– Чье?

За брагу Микола готов был отвечать по всей строгости устава, а товарищей выдавать – ни за что. Мичман, глядя в пол, молчал, как партизан на допросе.

Рука выпустила курточку, разгладила смятые обшлага.

– Давай, папуас, варгань обед, а потом изложишь во всех подробностях, кто этот умник, что банкет заказал.

Микола вытянулся во фронт и гаркнул:

– Есть!

Когда Адам появился в камбузе, пушки уже отгремели, а музы еще молчали.

– Не зуспил, – красный от обиды за провал культурной программы, пожаловался Микола Рудобельскому, – эх, тащ командир, не зуспил. Зовсем трохи в бутылки осталось, так этот секретчик вырвал из рук, ну! Що за людына така?

– Что, совсем пусто?

– Не, я ж не молода жинка писля венца, тащ командир, кое-что закурковав.

Кок поднял крышку с одной из кастрюль. В ней оказался компот. Адам с изумлением наблюдал, как рука Миколы нырнула в кастрюлю с компотом и выудила пятилитровую пластиковую емкость с синими буквами на белой этикетке. «Чистый ключ» – гласила надпись. Мичман обтер емкость полотенцем и спрятал в духовку.

– Два раза в одну воронку снаряд не попадае, – заявил мичман, уверенный, что больше шмона не будет.

Шмона и впрямь больше не было. После обеда на базе включилась громкая связь. Всех офицеров и мичмана Бойко вызывал командир. Настало время муз.

...В центре покрытого белоснежной скатертью стола стояла одинокая банка с мутной светло-коричневой жидкостью: брагу Микола настаивал на сухофруктах.

Младшие офицеры и начальники служб с трагическими

минами заняли каждый свое место. У мичмана Бойко места в кают-компании не было, он стоял наподобие памятника самому себе.

Командир корабля сидел с закрытыми глазами и хранил молчание.

Старпом взял вступительное слово, обрисовал в двух словах ситуацию, осудил поведение мичмана, дискредитирующее звание российского моряка, расставил правильные акценты и обратился к Бойко с простым вопросом:

– Кто просил поставить брагу?

Мичман усиленно засопел носом, веснушки на нелепой физиономии проступили еще отчетливей.

– Так это... – начал Микола, переступив с ноги на ногу.

– Тащкапитан, разрешите обратиться, – поднялся Рудобельский.

Капитан открыл один глаз, потом другой. Кивнул старпому:

– Обращайтесь.

– Это не брага, тащкапитан! – прозвучало в вязкой тишине.

Черный Дэн даже крикнул от такой наглости. В глазах командира мелькнул интерес.

– Ты понюхай, сынок, – с библейским терпением предложил он Рудобельскому.

Адам огляделся в поисках сочувствия и поддержки. Кто-то потянул его за китель, Адам отмахнулся, подался к сто-

ду, взял банку. Мутная жидкость качнулась, распространяя недвусмысленный запах.

– Не брага, тащкапитан, – упорствовал Рудобельский.

– А что это, по-твоему? – вмешался старпом.

– Не могу знать!

– А ты попробуй, – предложил не без ехидства Черный Дэн.

Адам в несколько глотков осушил банку и вернул в центр стола.

По кают-компании пронесся коллективный вздох.

– Твою мать! – свистящим шепотом произнес кто-то за спиной Адама.

– Квас, тащкапитан, – доложил подполковник Рудобельский данные органолептической экспертизы.

Все глаза были устремлены на командира.

Старый моряк, медленно закипая, поднялся с места, навис над столом, как туча, и грохнул кулаком по скатерти так, что банка подпрыгнула, покатилась и упала бы, если б ее не подхватил Черный Дэн.

– Ну все, Рудобельский! Счастливая сухопутная жизнь вам обеспечена! Несите сюда ведро воды! И кружку Эсмарха! Сначала я буду вас клизмить, а потом вы под мою диктовку напишите рапорт и положите мне на стол! Сюда! Мне!

Кулак повис в воздухе.

– Есть рапорт, тащкапитан! – козырнул Адам.

В тот же день командир боевой части подполковник Адам

Рудобельский оказался подполковником запаса ВМФ и ехал на частнике из бухты в город, к жене Юльке.

...Двор многоквартирного дома, где жила чета Рудобельских, тонул в сугробах и темноте.

– Ни фига не расчищено, фонари не горят, – ворчал хозяин «тойоты».

Свет фар вырвал из темноты снежные Эвереста, водитель, боясь посадить машину в снег, остановился, не доехав до подъезда.

Адам забрал вещи, расплатился.

– Удачи, командир, с наступающим, – простился повеселевший мужичок, и красные огоньки «тойоты» умчались в ночь.

Адам подхватил сумку, упругим шагом преодолел расстояние до подъезда, набрал кодовый номер.

Лифт не работал, пришлось подниматься на седьмой этаж пешком.

Командир боевой части Адам Рудобельский, как все моряки, был суеверным и счел неотзывчивый лифт плохим знаком. Бог знает откуда возникла параллель с женой: что, если Юлькино либидо, как лифт, ждет мастера?

«Странно все-таки, – размышлял Адам, вставляя ключ в замочную скважину, – жили нормально, жили, и вдруг – бац, понеслось! Оказалось, что пять лет совместной жизни я все делал не так. Не так ел, не так разговаривал. Не ту работу,

видите ли, выбрал».

Первые месяцы их супружества Адам с нетерпением ждал конца Юлькиного цикла. Беременность не наступила ни через три, ни через шесть месяцев. Беспокойство Адама переросло в манию. Молодая супруга, пышущая здоровьем, и он, тогда еще капитан, орел, защитник – оба здоровы, а дети все не получаются.

Через полгода семейной жизни инстинкт продолжения рода скрутил Адама настолько, что он увез Юльку на один из островков на юге Дальнего Востока. Через остров проходили пути миграции водоплавающих, и в радиусе ста пятидесяти километров не было ни одной живой души.

Стояло роскошное дальневосточное бабье лето. На скалистых островах лес щеголял листвой красно-желтых тонов. Высокое прозрачное небо, ласковое последнее солнце, тихие речки, полные рыбы. И блаженный покой.

Караваны гусей, уток-мандаринок, белоспинных альбатросов, лебедей и журавлей, белоплечих орланов, аистов, сменяя друг друга и мешаясь между собой, отдыхали на острове по пути на юг и юго-восток, через Тихий океан. От восхода до заката вокруг острова суетились пернатые мигранты, стоял разноголосый птичий гомон.

Генетические коды птиц таинственным образом перекликались с инстинктами Рудобельского Адама Францевича. Призвав в помощники природу, Адам рассчитывал зачать наследника.

Себя Адам относил к альбатросам – большим, сильным и смелым птицам. Как альбатрос, Адам море считал своим домом.

Целых десять дней счастливее Адама не было никого в целом свете.

Разбив палатку, Рудобельский рыбачил, охотился на другом краю острова, чувствовал себя вожаком, приносил добычу к ногам любимой и на правах добытчика требовал близости. Любимая весьма вяло исполняла супружеский долг, тыкала пальцем с облезлым маникюром в утиную (гусиную, перепелиную, кулика) тушку и осведомлялась с гадливостью:

– Что это?

Адам жарил, запекал в углях, варил, тушил, а Юлька, проведя в ассистентах десять дней, устроила бунт почище пугачевского.

– Сколько можно изображать Робинзона с Пятницей? Я читать и писать разучилась! – поднимая в воздух птичьи стаи, кричала Юлька и собирала в истерике рюкзак.

На галечник из кармана курточки выпала упаковка каких-то пилюль. Рудобельский поднял и прочитал название.

– Юль, это для чего?

– Пищевая добавка, – не моргнув глазом, ответила Юлька, пытаясь отнять упаковку у мужа.

Рудобельский увернулся и достал листок-вкладыш.

Вероятность беременности при приеме препарата составляла два процента. Адам Рудобельский, как ни старался, в

эту цифру не попадал.

– Как ты могла? – это все, что смог выговорить моряк.

Юлька, сама того не зная, слепо повторяла поведение собственной матери, подтверждая догадку генетиков: гены пальцем не задавишь.

– Найдешь работу на берегу – тогда и поговорим о наследнике! – заявила супруга.

Адаму ничего не оставалось, как сняться с якоря, свернуть палатку и двинуть на материк.

Рудобельский с тяжелым сердцем покидал эти Богом отмеченные острова. Оставалась еще надежда, что Юлька поблажит и бросит, что материнский инстинкт проснется и в ней. Однако после того отпуска прошло еще четыре с половиной года, а вопрос с детьми по сей день оставался открытым.

...Замок поддался, дверь впустила Рудобельского, из тьмы пахнуло запахами родного дома – смеси Юлькиной туалетной воды, жареной рыбы, ношенной обуви и лежалых вещей. Был еще какой-то новый, незнакомый запах, заставивший Адама нахмуриться: он не любил перемен дома.

Адам устроил на вешалке куртку, разулся и прокрался в спальню с запоздалым сожалением, что не купил супруге букет каких-нибудь лютиков.

Отраженный снегом, в окно спальни лился ровный ночной свет, постель казалась темноголубой. Адам всмотрелся

в подушки: его место рядом с Юлькой было определенно занято.

Изо всех сил надеясь, что это обман зрения, игра света и тени, наконец, что это не мужик в его постели, а гермафродит или какая-нибудь подруга Юльки (ну пожалуйста, Господи, что тебе стоит, пусть это окажется подруга!), Адам щелкнул выключателем. Под двуспальным корейским одеялом недовольно завозились. Рудобельский откинул одеяло и убедился, что реанимация Юлькиного либидо проходила в его, Адама, отсутствие.

В их супружескую постель вполз змей-искуситель – одноклассник жены Витька Филимонов, Филя.

– Ы-ы! – рыкнул после минутного ступора Адам и вцепился в безвольную шею мастера.

Витька выкатил глаза, захрипел и засучил ногами, Юлька взвилась, как валькирия, со звуком «и-и-и», взятым в верхней октаве, и принялась колотить Адама по лицу и голове, сверкая голым сдобным телом.

Кольшущаяся необъятная Юлькина грудь с розовыми околососковыми кругами на мгновение отвлекла Рудобельского от жертвы, Адам ослабил хватку, чем незамедлительно воспользовалась жертва. Мастер вывернулся и с невероятной скоростью, за которой чувствовались годы тренировок, заполз под кровать.

Звук «и-и-и» оборвался, в наступившей тишине слышались шорох под кроватью и постукивание зубов на кровати.

Финал дня был под стать самому дню. Это был даже не финал, это был финиш.

Вопрос с детьми оказался закрыт.

Адам в полусознательном состоянии выбрался в прихожую, в обратном порядке надел все, что перед этим снял, – куртку, кашне, каракулеву шапку с эмблемой ВМФ, забрал сумку и, бросив дверь нараспашку, сбежал по ступенькам вниз: лифт навсегда остался в памяти причудливой ассоциацией с неверной женой.

Часы показывали четверть одиннадцатого.

Закинув сумку на плечо, Рудобельский направился в глубь микрорайона, где располагался круглосуточный магазин. «Забыть эту шлюху, забыть, выбросить из головы, вычеркнуть, стереть из памяти», – отдавал команды мозг, а душа корчилась и заходила от боли.

Адам купил бутылку водки, вышел на крыльцо, отвинтил пробку, запрокинул голову и влил в себя полбутылки. «Забыть эту шлюху, забыть», – повторяла каждая клетка в организме.

Благословенная влага проникла в желудок и совершила затейливое путешествие по органам и чувствам. Тело стало легким, все зло мира покинуло его, только душа оставалась на месте, но болеть почти перестала. Захотелось полета.

Точно подслушав мысли Адама, к магазину подъехала «Волга» с шашечками.

– Шеф, в аэропорт подбросишь? – спросил захмелевший

моряк.

– Подожди, – откликнулся таксист, – только сигареты куплю.

Глава 6

...Колдовство сработало: рейс экипаж выполнял, как заказывала Маргарита, в новогоднюю ночь.

Самолет еще не набрал высоту, а Галкина уже расталкивала контейнеры с бортовым питанием. Вышло предписание кормить паксов [1] после двадцати минут полета. О чем они там, наверху, думают? Когда успеть все?

Пассажиры смахивали на обитателей расформированного бомжатника. Трое суток, проведенные в условиях пониженной комфортности, даром не прошли ни для кого. Маргарита не могла дожидаться, когда заработает вентиляция – амбре из трехдневного перегара и пота, смешанного с парфюмом, в салоне эконома класса валило с ног.

Руководство авиакомпании сделало широкий жест: пассажирам предлагалась небольшая компенсация за три дня «половой» жизни – питание и выпивка разряда ВИП. Кроме традиционного альтернативного набора филе рыбы-говядины-курицы контейнеры ломались от закусок, бутербродов с икрой и семгой, салатов, фруктов, пирожных и тортов. На борт загрузили такое количество спиртного, что у Маргариты засосало под ложечкой. Коньяк, водка, шампанское, красnodарские вина – пейте, уважаемые пассажиры, почувствуйте себя доктором Лукашиным.

После набора высоты Маргарита низким контральто с

привкусом шампанского обратилась к пассажирам:

– Дамы и господа, экипаж приветствует вас на борту самолета Ил-96, следующего по маршруту Магадан – Москва. Наш полет проходит на высоте 12 тысяч 100 метров со скоростью 870 километров в час, температура за бортом 45 градусов ниже нуля.

Далее следовали инструкции о правилах поведения на борту и предложение приготовить откидные столики для ужина.

Настроение у Галкиной было тоже на высоте 12 тысяч 100 метров. Нависшая угроза провести новогоднюю ночь в коммунальной квартире, один на один с экраном телевизора рассосалась. Вылет дали за сорок минут до Нового года по магаданскому времени. Значит, в комнату в коммуналке Маргарита попадет не раньше утра 1 января.

Девочки-стажеры Алла и Майя (Луна и Солнце, белая и черная) ловили каждое слово старшей бортпроводницы экипажа Маргариты Галкиной.

Ничто не предвещало неприятностей с последующим увольнением эсбэ.

Все началось с внештатной ситуации в салоне эконом-класса, куда стажерка Аллочка покатила спиртные напитки.

Майя разогревала ужин, а Маргарита уже несла в кабину пилотов лотки с кофе, когда раздался звонок-вызов бортпроводника.

– Потерпят, – кинула Галкина через плечо Майе.

Аллочка вернулась как-то чересчур быстро, вид имела оскорбленной невинности.

– Ты чего? – оглянулась Майя.

– Там какой-то зомби в одних носках по салону шастает. – Девушка плеснула в стопку и по-мужски опрокинула в себя пятьдесят граммов коньяка, не морщась, зажевала лимонном. – Урод, ущипнул меня за задницу.

Галкина оторвалась от упаковок с куриными грудками и устала на стажерку. Голова выдала статистику: за пятнадцать лет полетов чего только не бывало на борту – замыкание в хвостовой части самолета, отказ шасси, роды на борту, сердечный приступ и приступ аэрофобии, движущийся объект (собака) на взлетно-посадочной полосе при заходе на посадку, но такого – ни разу.

– Врешь!

– Не-а, – качнулась девица, освобождая проход, – сама посмотри.

Маргарита обновила арсенал напитков и снова покатила в салон экономкласса. Старшей бортпроводнице Галкиной даже не пришло в голову позвать на помощь кого-нибудь из мужчин, такой пустяковой показалась ей проблема, даже не проблема, а так, легкое затруднение.

Эсбэ конвоировала столик, улыбалась, крутила головой, соображала: «Псих? Запойный? Если запойный, значит, «белка»?» Белая горячка (алкогольный делирий) преследовала Галкину и на земле, и в воздухе.

С приступами делирия Маргарита насобачилась справляться в своей коммуналке. Сосед-алкаш обычно спасался от бесов в шкафу в общем коридоре. Поначалу Галкина вызывала реанимацию, а потом приспособилась: отворяла фанерную створку, просовывала стакан водки с клофелином. Сосед выпивал эту «амброзию» и отключался.

Тело коматозника через некоторое время перетаскивали в его конуру, откуда сосед выползал с виноватым видом через сутки. Вины хватало на пару месяцев «завязки».

Это был не какой-нибудь постановочный экстрим, это был живой опыт боевых действий, который ни одни курсы бортпроводников не дают.

Попутно Маргарита отметила в кресле 7а шапочку Деда Мороза на голове у молодого человека. Место рядом с Дедом Морозом занимала его персональная Снегурочка – блондинка с мечтательно-сонным взглядом. Шею блондинки украшали несколько слоев золотистого дождя. Парочка шушукалась и миловалась. «Интересно, кто такие? Откуда и куда летят? Какое у них будущее?» – перескочила с белой горячки на парочку Маргарита.

В салоне экономкласса что-то было не так. Маргарита даже не сразу поняла что: пульсирующее в атмосфере напряжение.

Внимание всех (за одним исключением) пассажиров было приковано к голому 38-му, который смахивал с себя невидимых насекомых:

– Пошли вон, суки! – Голый зомби с телом засушенного кузнечика умудрился втиснуться за спинку кресла в последнем ряду.

Одежда 38-го неопрятной кучей лежала в проходе.

Через проход от зомби в сдвоенном кресле спал пассажир. Он и был тем исключением, которое подтверждало правило.

Спинки кресел в последнем ряду не откидывались, и расстояние между предпоследним и последним рядами было узким – явная залепуха КБ Ильюшина. Пассажиры выше одного метра шестидесяти пяти сантиметров сидели на последних местах «в позе орла» – подтянув колени к груди. Спящий мужчина был не меньше метра девяноста.

Мужчина спал, выставив длинные ноги в проход. Взгляд Маргариты остановился на подбородке спящего – подбородке участника боев без правил: квадратный, тяжелый, раздвоенный. Далее шел глухой черный китель с белоснежным подворотничком, блестящими пуговицами и галунами на рукавах.

Маргарита перевела взгляд на спутанные космы 38-го. На этот раз клофелина у Галкиной не было, зато водка была в изобилии. Хоть с этим повезло.

– Это ж надо так надраться, – с радостным изумлением сообщила бортпроводнице полная дама с бровями киношного Ивана Грозного, – он же опасен! Его надо связать, пока он не покалечил никого!

Объективно дама была права, но соглашаться с ней Гал-

киной не хотелось. И не только Галкиной. Муж дамы тоже не согласился:

– Том, хочешь, чтоб он дуба дал? Ему водки надо налить, а не связывать. Сейчас откинется, и будем девять часов болтаться в воздухе со жмуриком.

– Отнеситесь с пониманием к страждущему, – с крайнего места подал предложение один из освобожденных по амнистии – лысеющий молодой человек с живыми глазами и подвижным лицом. Щелевидный рот тоже находился в постоянном движении: гонял из угла в угол зубочистку. Пальцы, татуированные перстнями с тюремными символами, держали карты, мизинец с крючковатым длинным ногтем был отставлен в сторону.

«Полный набор», – вздохнула Галкина.

– У вас клофелина, случайно, нет? – Маргарита признала в даме гипертоника.

– Есть. – Тетка нырнула в недра совсем не дамской сумки и вытащила упаковку препарата.

Галкина раскрошила в бутылку несколько таблеток, на глаз, поболтала их в жидкости, подождала, пока растворится порошок, налила в пластиковый стакан.

Далее события покатались с такой скоростью, что Галкина, с бутылкой и стаканом в руках, так и осталась их немым свидетелем.

Из всего враждебного окружения синий от запоя пассажир опознал только бутылки. Опознал, оживился и рванул

к столику.

Нога несчастного застряла, как в песенке, «коленками назад», подрезав полет. Падая, алкоголик толкнул тележку. Тележка наклонилась. Две бутылки вина, бутылка водки, два коньяка (армянский и азербайджанский), шотландский виски, сок в тетрапаке, минеральная вода в пластиковой таре и бутылке – все это поехало и посыпалось прямехонько на спящего пассажира с эмблемой ВМФ.

На брюках спящего образовалось темное винное пятно – бутылка краснодарского мерло исторгла содержимое на колени «утеса-великана».

– Япона мать!

Плохо соображая, Адам Рудобельский вскочил с кресла и с разгона приложился головой к полке для ручной клади.

– Япона мать! – повторил он, морщась.

Маргарита Галкина совала моряку салфетки, но мутные, воспаленные от недосыпа и водки глаза Адама смотрели на кузнечика.

– Что за хрен?

– Белая горячка, – с готовностью объяснила дама с киношными бровями.

Подполковник ВМФ в отставке недрогнувшей рукой откатил тележку, которая не замедлила наехать на ногу бортпроводнице Маргарите Галкиной. Галкина охнула и оттолкнула тележку, но ноготь на большом пальце правой ноги успел расплющиться.

– Блин! – Марго скинула форменную туфлю. Колготки, ее последние черные колготки на пальце зияли дырой, на ногте сквозь лак проступила бело-розовая полоса.

– Простите.

Только сейчас Рудобельский заметил эту рыжую бортпроводницу – лист бумаги в профиль и тот выглядит солидной. На такую можно наехать не то что тележкой – катком для укладывания асфальта – спичка. Сходство со спичкой было полным: рыжие непослушные кудри горели пламенем. Конечно, он ее не видел. Он таких в принципе не замечал. Что там замечать? Никаких приятных глазу моряка выпукл остей и округлостей. Плюс ко всему форменный пиджак на два размера больше, чем следует, – отечественная промышленность не шьет на таких субтильных дам.

– Что это у вас? – Рудобельский указал на пластиковый стакан и бутылку в руках Маргариты.

– Водка.

Вынув из тонких пальчиков пластиковый стаканчик и бутылку, Рудобельский сразу забыл о бортпроводнице, отвернулся и, не успела Галкина открыть рот, чтобы предупредить моряка о клофелиновой добавке, осушил стакан.

Маргарита шумно втянула воздух.

Моряк между тем прикрыл кузнечика барахлом, снова наполнил стакан и поднес к носу одержимого делирием. Тот вцепился в стаканчик зубами, пуская струйки мимо рта, проглотил содержимое, со стоном закрыл глаза. Жизнь влива-

лась в мученика с каждым глотком.

Амнистированный, любуясь действием алкоголя, высказал вслух то, что подумал каждый:

– Живая вода, твою мать.

И добавил такое, что по эту сторону Минюста ни одному гражданину слышать не доводилась. Даже Рудобельский за двадцать лет службы на флоте ничего подобного не слышал.

– Пожалуйста, выбирайте выражения, здесь дети, – сделала попытку окоротить хама Галкина.

Адам с уважением покосился на рыжую: а она ничего, молодец, не из трусливых.

– Заткнись, а то открою люк и уроню тебя в космос, лярва. – Амнистированный с осуждением рассматривал огненную гриву бортпроводницы.

– Гражданин, – Маргарита подавилась, поняв, что простыми человеческими словами отморозка не достать, – предъявите ваш билет.

– А то высадишь на следующей остановке? – под хохот тюремных дружков издевался тот.

Маргарите точно вожжа под хвост попала:

– Предъявите билет.

– Может, тебе чё другое предъявить?

Хохот усилился, бортпроводница покраснела, как краснеют люди со светлой, тонкой кожей – до ушей, даже слезы выступили.

Рудобельский понял, что пора вмешаться:

– Слышь, обморок, дама при исполнении, так что не бузи, а то галюнь пойдешь продувать.

– Чё-чё? – Плешивый был слишком пьян, чтобы оценить противника.

– Выйдем. – Волевой голос заставил обладателя татуированных перстней насторожиться.

Маргарита с тележкой оказалась между сторонами конфликта.

Рудобельский вновь откатил тележку, и та опять наехала на пострадавшую ногу Галкиной.

У Маргариты от боли и обиды брызнули слезы, силуэт моряка расплылся.

– Да отойдите, вы! – вместо того чтобы извиниться, рявкнул Рудобельский. Без церемоний оттеснил бортпроводницу, навис над типом с татуированными пальцами, схватил за шиворот, выдернул из кресла и потащил за шторку, за которой находились туалеты. Клевреты лысого проявили корпоративную солидарность, потянулась следом.

– Брателло, Толян, мы с тобой, – обнадежили они приятеля, прилагая усилия, чтобы удержаться на ногах.

Маргарита, придя в себя, обдумывала, как лучше поступить: подсечь замыкающего тележкой или ударить по голове бутылкой. Тогда этот увалень, возможно, справится с двумя.

Моряк и амнистированный к тому времени скрылись за шторкой, двое других вразвалочку приближались к месту разборки.

«Ну и рейс, елки-палки», – подумала близкая к отчаянию Маргарита.

Поминутно оглядываясь на пограничную черту в виде шторы, которая уже вздыбливалась и покачивалась, точно кто-то перепутал ее с боксерской грушей, Галкина собрала бутылки.

Пассажиры, отупевшие в ожидании долгожданного рейса, почти все спали. Те, кто бодрствовал, уже успели не по одному разу приложиться к горячительным напиткам – своим и авиакомпанейским, поэтому все происходящее не очень-то их интересовало.

Собрав бутылки, Галкина одним глазом заглянула за штору. Два тела, прислоненные к переборке, не подавали признаков жизни. Толян защищал разбитую физиономию от ударов моряка, подставив локти.

Маргарита кошкой прыгнула на Адама и повисла на руке:
– Прекратите, что вы делаете? Вы убьете его!

– Танки клопов не дают, – заверил Адам и стряхнул бортпроводницу.

Маргарита, поняв, что к моряку придется применить радикальные меры, схватила с тележки первую попавшую под руку бутылку и саданула Рудобельского по голове.

Два хука за сутки, не считая ударов судьбы, сделали свое дело – подполковник потерял сознание.

...Лева Звенигородский, наблюдавший за показаниями

приборов, с беспокойством покосился на второго пилота Василия Коротких:

– Сходи посмотри, что у них там.

Василий выбрался из кабины и потерял дар речи.

Презрев классовые предрассудки, пассажиры бизнес– и экономкласса рейса Магадан – Москва в едином порыве выстроились гуськом между рядами по всей длине салона авиалайнера. Каждый обнимал талию впередистоящего.

Паровозик из живых тел возглавляла бортпроводница Галкина в шапочке Снегурочки – показывала танцевальные па под мелодию шестидесятых «Еньку».

– «Прыг! Скок!» – Со странным блеском в глазах бледная Маргарита вскидывала безупречной формы ногу. В страшном сне такое не привидится.

– «Туфли надень-ка, – скандировали пассажиры, – как тебе не стыдно спать?»

– Галкина, – зашипел Василий, – ты обалдела? У нас приборы зашкаливают, не можем вывести машину из крена!

– «Славная, милая, смешная «Енька» нас приглашает танцевать», – с легкой одышкой пропела Маргарита.

Далее последовали два прыжка вперед, при которых Маргарита едва не протаранила Василия. Если бы Коротких не попятился, Галкина угодила бы второму пилоту прямо в пах. Такой буйной Василий старшую бортпроводницу еще не видел.

– Марго, – Василий выдернул Галкину из объятий госпо-

дина в дорогом костюме, – ты в своем уме?

Разочарованный господин упал в кресло и принялся обмахиваться журналом.

– Вот это женщина, – восторгался он, – вот это темперамент! Амазонка! Звезда!

Василий Коротких тем временем втащил звезду в бытов-ной отсек и поинтересовался:

– Вылететь из авиации хочешь?

– О господи, – фыркнула Маргарита, – и он туда же! Куда вылететь-то?

От бортпроводницы несло алкоголем.

– Да ты, мать, напилась? – Васька вытаращился на Маргариту в надежде, что ошибся.

Нет, не ошибся. Галкина с неподражаемым выражением вытянула редкой породистой формы губы в трубочку и приложила к ним палец:

– Ш-ш-ш!

– Да мне-то что? Мне по барабану, а вот Лева сейчас тебя прищучит как пить дать. Ты у него и так как бельмо на глазу, как кость в горле и как камень в желчном пузыре.

– Слушай, отстань, – сдувшись, попросила Маргарита, – и без тебя тошно.

– Марго, усади паксов, не буди лихо, – посоветовал Василий.

– Есть, товарищ командир! – От резкого вскидывания руки Галкина качнулась, Васька обнял ее и прижался к бледной

прохладной щеке лбом – Маргарита была ровно на полголовы выше. – Получишь сейчас, – попыталась оттолкнуть Ваську Маргарита, – раз-раз, и «вжик-вжик, выноси готовенького»! Отстань. Не рейс, а наказание. Двоих обезвредила, ты следующий.

Но Василий не готов был сразу отпустить пьяную красавицу:

– А что ты с ними сделала?

– Все сделала: усы-пила и связала.

Маргарита скрестила запястья, вызвав у Василия вспышку нездорового интереса к садомазохистским утехам.

– Когда? – запуская руки под блузку бортпроводницы и нащупывая восхитительно упругую грудь в гипюровых цветочках, проявил любопытство Коротких. Он, не задумываясь, отнес этот бред в разряд пьяных.

Маргарита с трудом сосредоточилась.

– Полчаса назад, – старательно выговорила она.

– Где? – Василий прислушался к проблемным ощущениям в брюках – они требовали немедленного разрешения.

– Во втором классе.

– И где они сейчас? – целуя нежнейшую шейку, изнывал от желания Васька.

– Думаю, там же, – хихикнула Маргарита, отпихивая второго пилота.

Василий с сожалением выпустил кружевную грудь. Что-то ему подсказывало, что Галкина не бредит. Летчик подтолк-

нул эсбэ к микрофону:

– Давай усаживай паксов.

– Уважаемые пассажиры, – полилось из динамиков неуверенное контральто, – прошу всех занять свои места и приготовить столики. Вас ждет праздничный ужин и арцерт контистов, пардон, концерт артистов зарубежной эстрады. Ик, – завершила обращение Маргарита.

Обещанный концерт открыл один из ремейков Киркорова, но на это никто уже не обратил внимания: пассажиры аплодировали и были в полном восторге от объявления Галкиной.

Василий схватился за голову.

Суэта в салонах шла на убыль, мамыши вылавливали изпод кресел детишек, все устаканивалось, если не считать двух связанных паксов в хвосте машины.

Василий направился в салон экономкласса, Галкина, профессионально улыбаясь и цепляясь за спинки кресел, не отставала.

Дойдя до конца салона, Василий увидел спеленатых пледами Толяна, Адама и жертву белой горячки. Все трое спали.

Галкина не соврала: запястья Толяна и Адама были перемотаны скотчем.

– А это еще зачем? – проворчал второй пилот, отрывая скотч вместе с волосяным покровом и радуясь, что местная эпиляция под общим наркозом не причиняет мужикам ни физического, ни морального дискомфорта.

Скомкав скотч, второй пилот устремился назад, теперь Маргарита шла впереди, и Василий то поддерживал, то подталкивал бортпроводницу. Едва они оказались за ширмой, Василий Коротких с сомнением оглядел субтильную бортпроводницу:

– Нифигасе! Как это ты – одна двоих мужиков?

– Кло-фе-лин. Вон у той тетки – 36в, – объяснила Маргарита, свесив голову на грудь.

– А сама ты, часом, не хлебнула клофелина? – забеспокоился Василий.

Хозяйка борта уперлась лбом в перегородку – ее качали водочно-клофелиновые волны, язык пересох и не слушался, голос Василия то удалялся, то приближался.

– Слу-чай-но, – вывела Галкина, отделилась от перегородки и припала к груди второго пилота, где ее и накрыло окончательно.

До конца рейса Галкина проспала в гардеробе, причмокивая, как младенец.

Девочки-стажерки, черная и белая, Луна и Солнце, с радостью сообщили командиру экипажа, что эсбэ в отключке.

– Все, допрыгалась, стрекоза. Я на тебя рапорт подам. – Обвинительную речь Лев Ефимович произнес, по обыкновению, в присутствии экипажа.

Дежурный наряд уже увез спящих: моряка, Толяна и белогорячего. Салон самолета покидали последние пассажиры.

– Стрекоза пела. – Опустив заспанное, помятое лицо, Галкина выскочила из опустевшего салона, сбежала по трапу и пешком отправилась в здание аэропорта.

Вьюжило.

Старшая бортпроводница (уже бывшая!) в полном одиночестве шагала мимо замерзших крылатых машин по летному полю.

– «По аэродрому, по аэродрому, лайнер пробежал, как по судьбе. И осталась в небе светлая полоска, чистая, как память о тебе», – пела Галкина и смахивала слезы, наворачивающиеся на глаза то ли от пронизывающего северного ветра, то ли от обиды.

Рев двигателя взлетающего лайнера заглушил пение, Галкина задрала голову, посмотрела в ночное небо. Там, вне досягаемости посадочных огней и осветительных приборов, висел месяц. И был он так надменно-спокоен, так уверен в себе, что Маргарита задохнулась от ярости.

– Чтоб вас черти съели! – заорала она, адресуя сказанное Леве Звенигородскому, морячку, «синяку» и урке.

Черт бы их всех побрал, их и этот високосный новый год! Можно было голову дать на отсечение: он еще покажет себя, потому что как встретишь Новый год, так его и проведешь.

Глава 7

...– Ритка, у тебя есть картошка? – Физиономия соседа-алкаша появилась из кухни, когда Маргарита уже надеялась, что ей удалось улизнуть незамеченной.

– За столом в углу, возьми, сколько надо.

– Да не оскудеет рука дающего.

– Что ж ты тогда все время норовишь укусить эту руку?

Обмылок человеческий, прости господи...

– Соседей, Ритка, не выбирают, как родственников!

– Еще как выбирают.

По поводу своей коммуналки, в которой она оказалась после развода и раздела имущества, Галкина никаких иллюзий не питала. Эта коммуналка нашептывала по ночам подробности жизни первых жильцов – «врагов народа»: обрусевшего французского дворянина и его жены, прибалтийской немки. Маргарита даже запомнила фамилию полумифических стариков – де Бельпор.

Коммуналка выпускала из своих объятий только к праотцам. Выбраться из нее в более безопасное место можно было либо с помощью мужчины, либо с помощью престижной хорошо оплачиваемой работы, на которую попадают с помощью все того же мужчины или по счастливому стечению обстоятельств. Ни первого, ни второго, ни третьего у Галкиной не было.

Маргарита дождалась окончания новогодних каникул и, движимая храбростью отчаяния, отправилась в агентство недвижимости «Гуд-риелт».

Агентство располагалось в новом микрорайоне. Место было хлебное, и агентство Маргарита выбрала не случайно, а после того, как отследила рейтинги и спрос на недвижимость. Спрос на жилье в микрорайоне превышал предложение.

Игорь Артюшкин – директор агентства, рано начавший полнеть породистый тридцатипятилетний мужчина с привычками нового русского, стал клеить Маргариту прямо на собеседовании.

– С такими данными вам прямая дорога в модельный бизнес, – не спуская глаз с положенных одна на другую, затянутых в черные колготки ног Маргариты, заявил он.

– Демонстрировать наряды для бабушек?

– Наоборот, – не растерялся донжуан, – для внучек. И сколько вам, если это прилично спрашивать у такой женщины?

Игорь заерзал в кожаном кресле, на запястье сверкнули швейцарские часы. Маргарита встречала такие экземпляры на некоторых сановных пассажирах. Внешний вид этих часов способен был приручить самую дикую черкешенку не только в авиаотряде, но и на всем постсоветском пространстве.

Маргарита покачала ногой:

– От босса и врача возраст скрывать нельзя. Мне тридцать восемь.

– Прекрасный возраст, – заверил ее будущий босс, – женщины в этом возрасте вызывают у клиентов доверие. Я уверен, из вас получится отличный риелтор. Готовы учиться?

– Готова, – подтвердила Маргарита с некоторой обреченностью.

– Отлично, – в очередной раз обрадовался Артюшкин, – идемте, я познакомлю вас с коллективом.

Коллектив не разделил восторга шефа.

Девочки-риелторши с бульдожьими челюстями охотились не только на покупателей. С еще большим энтузиазмом они охотились на недавно разведенного Игоря Артюшкина.

Галкину встретили настороженным молчанием.

Через пару месяцев Маргарита научилась самым беззастенчивым образом уводить клиентов у новых коллег. Это оказалось нескучным делом, все было замешано на ревности – к делу, к шефу, к бабкам.

Продравшись сквозь молчаливый сговор молодых хищниц, Маргарита без особого труда отвоевала право на тело Артюшкина.

А через пять месяцев присмотрела на срочной продаже квартиру. Квартира стоила всех унижений, стычек и угроз, которыми была расцвечена карьера Галкиной в агентстве.

После ни к чему не обязывающего секса в коммуналке новообращенная риелторша излила душу Артюшкину.

– Игорь, я такую квартиру взяла в продажу... – Маргарита мечтательно закатила глаза. – Сказка, а не квартира. Сама бы купила, были бы бабки.

– Девочка моя, бабки – не проблема.

Галкина притихла в томлении: неужели Игорь даст денег? Артюшкин засмотрелся на Маргариту: разметавшиеся рыжие кудри, бирюзовые глаза, тонкие черты лица, нежная кожа, не считая того, что скрыто одеялом – неплохо, очень неплохо. Он потянулся за сигаретами, щелкнул зажигалкой, закурил и выпустил дым через нос.

Как приятно быть богом! Или вторым после бога. Сейчас он эту глупую овцу сделает счастливой почти без всякого риска для себя.

– Есть одно агентство ипотечное, там у меня концы, позвоню, договорюсь, дадут кредит.

Схема была простой и гениальной одновременно.

Игорь и его школьный друг Стасик Буйневич кредитовались у местной братвы.

Двоюродный брат Стасика – не последний бандит в группировке – составил протекцию, Стасик получил кредит из воровской казны и раскрутил на кредит два агентства: ипотечное «Атолл» и недвижимости «Гуд-риелт».

Все ипотечники проходили через ласковые руки этих двух деляг – Артюшкина и Буйневича. В одном агентстве клиенту подбирали квартиру, в другом выдавали кредит по упрощенной схеме. И там и там жертва подписывала договор на опла-

ту услуг. На одной сделке зарабатывали дважды: агентские и банковские проценты. Схема работала без сбоев – президентская ипотечная программа набирала силу и не нуждалась в рекламе. Деньги делили на троих: Игорь, Стасик и братва – все по чесноку.

Артюшкин рассудил, что Галкиной всего знать не обязательно:

– Никакого головняка, бабки сразу получишь.

– Мне еще эту конуру продать надо. – Маргарита не видела причин не доверять Игорю.

Артюшкин обвел взглядом забытые антикварной мебелью двадцать квадратов (покойный де Бельпор был, на минуточку, академиком) с фотографиями Галкиной в летной форме на стенах.

– Агентство у тебя ее купит и выставит на продажу.

– Игорь! – Маргарита обвилась вокруг любовника ногами, руками, волосами.

Артюшкин отстранил синеглазую одалиску. Ничего личного – только бизнес.

– Если срочно, то цена другая будет. И процент.

Маргарита взгрустнула:

– А если мне на покупку не хватит?

– Торгуйся с продавцом, – растолковал дурище любовник, – кредит немного больше просить придется, только и всего. Кстати, могу устроить бытовой кредит. Тебе же мебель тоже нужна будет?

– Игорь! – Маргарита размазалась по постели от прилива нежности. – А дадут?

– Отвечаю.

Артюшкин оказался прав: служба безопасности ипотечного агентства «Атолл» не усмотрела причин для отказа в выдаче кредитов законопослушной гражданке Маргарите Михайловне Галкиной. Сделку оформили, как обещал Игорь, за два дня.

Игорь со Стасиком скрепили договор рукопожатием, а Галкина благодарила случай, любовника и его знакомого банкира – такого невероятного, ослепительного красавца (почти Джордж Клуни), что Маргарита даже немного помечтала о нем. Совсем чуть-чуть.

Глава 8

...Новоселье отмечали в узком кругу близких: старшая сестра Валентина – невысокая яркая брюнетка с крепкой спиной, миниатюрными ладонями и ступнями, ее муж Николай Ильющенков и Маргарита. Игорь не приехал, хоть и обещал. Галкина несколько раз набирала номер Артюшкина – телефон был выключен, и Маргарита махнула рукой: не хочет Игорь знакомиться с родней – не надо!

– Как это ты раскрутилась, Марго? – походив по квартире-улучшенке, поинтересовалась Валентина. – Наверняка без мужика не обошлось?

У Валентины имелось два недостатка: она была отличным адвокатом по уголовному праву и знатоком человеческих душ, мужских и женских. Эти два недостатка, как правило, портили отношения с окружающими. Исключение составлял только муж Николаша. Он был открытой книгой для всех, не только для Валентины, и анализу не подлежал в силу своей упрощенности.

Интуиция и опыт подсказывали адвокатессе, что сестра вляпалась.

Маргарита для защиты использовала запрещенный прием:

– Ну конечно, это только ты можешь чего-то добиваться, а я существо декоративное, ни к чему не приспособленное.

Тема была провокационной, к тому же заезженной.

Пример целеустремленной Валентины отравлял все детство Маргариты, отрочество и половину взрослой жизни.

– Ладно, сдаюсь, можем, если хотим, – спрятала коготки адвокатесса, а Марго похолодела: полная противоположность Маргариты, Валька не отстанет, у нее в крови привычка докапываться «до самой сути».

Маргарита не сомневалась, что в голове у сестры шел бесконечный анализ людей, поступков и даже случайно брошенных фраз. Сначала адвокат Ильющенкова анализировала информацию с точки зрения Уголовного кодекса, потом с точки зрения Юма и Фрейда, а потом с точки зрения Валентины Ильющенковой. Сейчас она сложит два и два и все поймет. Маргариту слегка зазнобило, даром что за окнами был июнь и с террасы тянуло нагретым на солнце кафелем.

Коньяк закончился, и Галкина вылила себе остатки шампанского.

– Николаша, не сиди истуканом, дуй за бутылкой, – распорядилась Валентина.

«Вот оно, началось», – с тоской подумала Маргарита.

– Девочки, может, хватит? – Попытка сопротивления провалилась, едва начавшись.

Валентина с легкостью проникала туда, куда посторонним был вход запрещен, – в командный пункт управления людьми.

– Ну, колись, – взялась за Маргариту адвокатесса, как

только дверь за Ильющенковым захлопнулась, – откуда бабки?

– Я продала...

– Не держи меня за идиотку, – перебила Валентина с легким, почти неуловимым презрением, – этих бабок хватило бы только на ручку от входной двери. Игорек постарался? Во что он тебя втравил?

– Ни во что он меня не втравил, – взбрыкнула Маргарита, – я взяла в долг.

Сказать правду – значило бы признать, что сама она до такой сложной комбинации (выставить на продажу комнату в коммуналке, дать задаток за квартиру и найти кредитора) додуматься не смогла. Квартира утратит блеск, а Маргарита в глазах сестры так и останется «бледной немочью», неспособной ни на что серьезное.

– Ну конечно, спонсоры стоят на каждом углу с плакатами на груди: «Маргарите Михайловне Галкиной окажем безвозмездную помощь». Что ты мне впариваешь?

– Продавец хорошо скинул, это была срочная продажа, – не сдавалась Маргарита.

Так и было. Хозяйке срочно были нужны деньги на операцию сыну. Женщина бесцветным голосом что-то бубнила, а Маргарита смотрела на террасу влюбленными глазами: уже видела ее, уставленную пальмами, фикусами и малыми архитектурными формами. Можно еще вынести столик и устроить патио.

– Уступите пол-лимона?

– Нет. – Сдавленный голос сорвался, Маргарита с усилием оторвалась от виртуальной картинки, обернулась.

Женщина сидела на пороге, отделяющем террасу от комнаты, руки висели безвольными крыльями.

– Вам плохо?

– Ничего, сейчас пройдет. Я уступлю вам...

Галкина, уже готовая согласиться на все, лишь бы получить эту квартиру в собственность, чуть не подпрыгнула от радости.

«Хоть бы Игорь пришел», – ища укрытия от настойчивых вопросов и рентгеновского взгляда сестры, думала Маргарита.

Артюшкин в этот самый момент сидел с Буйневичем-Клунни в ресторане японской кухни и обсуждал перспективы рынка недвижимости.

– Ты знаешь, Стасяра, – запивая суши sake и зеленым чаем элитных сортов, делился с однокашником Игорь, – народ вынюхивает что-то, продажи упали. Так трудно работать стало! У строителей паника: ценник на квадратный метр не поменялся с прошлого года...

Стасик кивал, соглашался:

– Прогнозы паршивые: застрянем года на два в этом болоте кризисном – понятно, к бабке не ходи... Давай, Игорек, крутись, подгоняй клиентуру, ты в доле...

– Ты прикинь, чё будет, если народ не сможет выплачивать

кредиты?

Вопрос ответа не требовал не потому, что был гипотетическим, а потому, что ответ на него уже имелся: голова у Стасика была не только для рта, как у Артюшкина. Стасик уже подал документы на регистрацию коллекторского агентства. Стасик Буйневич умел минимизировать риски.

– Не ссы, прорвемся, – пообещал он Игорю, – у нас с тобой до фига квартир в залоге. Все будет ровно.

Артюшкин любил своего одноклассника именно за эту способность разгонять тучи. Он даже подозревал, что в личном дневнике Стасика, как у Мюнхгаузена, имелся пункт – «разгон облаков». «No problem» – это был заключительный аккорд ко всем колыбельным, которые пел Стасик Буйневич друзьям, женщинам и клиентам.

Стасику Буйневичу были по силам тучи, заслонявшие личный небосвод Артюшкина. Игорь с чувством простился с другом и поехал к Галкиной.

Маргарита уже проводила сестру с мужем и торчала на террасе, когда во двор дома въехала красная спортивная машина. Галкина проследила, как болид на скорости подкатил к подъезду, припарковался на стоянке напротив. Это был Артюшкин.

Просияв, Маргарита вприпрыжку понеслась к двери.

Игорь был сосредоточен и строг, будто не на свидание приехал, а на антикризисную встречу глав государств.

После утешительного секса закурил и поделился тревож-

НЫМИ НОВОСТЯМИ:

– Слышь, Марго, на рынке хрень какая-то началась. У американцев валится ипотечный рынок. На Ассоциации риелторов нас один перец запугивал обвалом цен и ипотечным кризисом.

– Игореша, может, обойдется?

Слова «кризис», «рецессия» и «стагнация» ничего, кроме боли в голове, у Галкиной не вызывали.

– Может, и обойдется.

Кому же не хочется, чтобы обошлось?

...Однако уже через неделю стало ясно – не обойдется: Дядюшка Сэм объявил себя банкротом.

В курилке мусолили одну тему – попытки американцев спасти экономику. Было очевидно, что Белый дом рассчитывал на простых американцев больше, чем простые американцы – на Белый дом.

Новости, требующие реагирования, причем немедленно, обволокли туманом мозги Галкиной и парализовали волю. Сделки в агентстве упали до нижнего предела – их просто не было, наступил полный штиль. Маргарита с натугой выплатила проценты по кредиту и задумалась.

Ко всему Маргарита стала замечать, что Игорь избегает ее. Галкина не удивилась бы, займи ее место в постели Игоря какая-нибудь карамелька. Если честно, она сама удивилась, когда Игорь предпочел ее. Может, Артюшкина в тот момент

просто привлекали женщины без иллюзий? В этом смысле Маргарита была предпочтительнее Рузанны из Мариуполя и прочих нимфоманок: у Галкиной была прописка в родном городе и какое-никакое жильё.

Причина охлаждения любовника мало интересовала Маргариту – «была без радости любовь – разлука будет без печали», как сказал поэт. Гораздо больше Марго беспокоили откуда-то просочившиеся слухи о закрытии агентства.

Галкина брала кредит в расчете на процветание ООО «Гуд-риелт». Другие варианты не рассматривались.

И Маргарита не выдержала неизвестности, улучив момент, проскользнула в кабинет Артюшкина.

– Игорь, что происходит? Ты чего такой... – Галкина всматривалась в любовника, подбирая слово, – напряженный?

– Напряжешься тут. Продаж нет, на счете у фирмы копейки остались... Поговаривают, рынок упадет. Закрывать надо, пока не поздно. – Маргарита была самостоятельной, взрослой женщиной, и Игорь не собирался ее щадить.

– Ты это серьезно? – У Галкиной поплыло перед глазами, она ухватилась за спинку стула. – Игорек, ты же знаешь мою ситуацию!

– Не ной! Сейчас у всех такая ситуация! Думаешь, мне легко? Заявление пиши по собственному...

– Заявление? – глупо переспросила Маргарита, не желая верить, что Игорь сказал об увольнении всерьез.

– Да, заявление – такой документ, знаешь, там пишут: «Прошу уволить по собственному желанию», – взорвался Артюшкин, – что непонятно?

Маргарита, не отрываясь, следила, как пальцы шефа уничтожают акты выполненных работ.

Горка из обрывков росла, и Маргарите вдруг захотелось ее раздуть.

Сдерживаясь из последних сил, она вышла из кабинета. Ужас разлился по организму, как неразведенный спирт. Ее жизнь оборвалась в полете – в прямом и переносном смысле слова.

Все пошло не так, совсем не так, как должно было идти. При чем здесь Америка? Какой, к черту, ипотечный кризис, если она взяла кредит и должна душе банкиру, этому Станиславу Буйневичу – почти Джорджу Клуни, копейка в копейку каждый месяц перечислять четырнадцать тысяч? Что теперь будет с квартирой, с ней, Маргаритой Михайловной Галкиной? Что делать? Куда бежать? Маргарита не представляла.

От мыслей разболелась голова и начались колики в животе. Ноги вынесли Галкину в курилку – не курить, нет, почувствовать себя в толпе.

В курилке между этажами офисного здания еще один новообращенный агент Мишаня и основная конкурентка Маргариты за право на тело Артюшкина, Рузанна из Мариуполя, обменивались опытом выживания, и Маргарита на неко-

торое время почувствовала себя в безопасности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.